

УДК 908

Ли Е.Л.

**"Желтая угроза" или "желтый вопрос"
в трудах Амурской Экспедиции 1910 г.****The "Yellow Peril" or the "Yellow Question"
in works of the Amur expedition of 1910**

В статье рассматриваются материалы Амурской экспедиции, касающиеся причин, следствий и также мер регулирования "желтого вопроса" и "желтой угрозы" в Приамурье в 1910 г. на примере китайцев и корейцев.

Ключевые слова: *"желтая угроза", "желтый вопрос", Амурская экспедиция 1910 г., китайцы, корейцы, Приамурье.*

In the article the Amur expedition materials devoted to the reasons, consequences and the measures of regulation of the "Yellow Peril" and "Yellow Question" in Priamurie in 1910 on the example of Chinese and Koreans are revised.

Key words: *"Yellow Peril", "yellow Question", the Amur expedition of 1910, Chinese, Korean, Priamurie.*

История изучения "желтого вопроса" на Дальнем Востоке имеет свою историю, и особое место в этой истории занимают результаты исследований выполненных в рамках Амурской экспедиции 1910 г. (АЭ).

За прошедшее столетие существенно изменились социально-экономические и политические условия развития территорий, бывшего Приамурского края. Миграционные потоки российских переселенцев устремились в центральные районы России, а со стороны Китая продолжается усиленный экспорт дешевой рабочей силы. Как и сто лет назад на современном этапе возникает актуальность изучения "желтого вопроса" и "желтой угрозы", для чего целесообразно использовать собственный опыт начала XX века на примере Трудов Амурской экспедиции 1910 г. (ТАЭ).

К моменту проведения АЭ уже сложился негативный опыт как стимулирующей, так и ограничительной политики. Стимулирование притока переселенцев привело к неконтролируемо быстрому их распространению на территории края и закреплению в определенных экономических нишах (китайцев – в торговле, промыслах и ремесленничестве; корейцев – в земледелии). Ограничительные же меры в условиях высокой за-

¹ Работа выполнена в рамках проектов ДВО РАН № 09-И-П24-01, № 09-III-A-10-546, темы № Г.Р. 0120.0 805 492, государственного контракта № 02.740.11.0347 (шифр 2009-1.1-301-072-018).

висимости от желтого труда привели к задержкам выполнения планов по строительству инфраструктурных объектов, ухудшению параметров конкуренции на рынке труда, увеличению числа нелегальных мигрантов, возрастанию объема теневой экономики и т.д. При этом количество китайцев и корейцев не только не сокращалось, но, напротив, ежегодно увеличивалось.

АЭ должна была дать первую комплексную оценку последствий массового притока китайцев и корейцев в район строительства Амурской железной дороги и Приамурья с целью выработки необходимых рекомендаций и мероприятий в рамках единого плана колонизации Дальнего Востока.

Целью данной работы является описание причин, последствий и рекомендаций по регулированию массового притока китайцев и корейцев в Приамурье в конце XIX – начале XX века.

Специально для изучения "желтого вопроса" были направлены по разным маршрутам и заданиям члены АЭ – известный востоковед В. Граве и кореевед В. Песоцкий. Уполномоченный Министерства иностранных дел В. Граве изучал положение "желтых" в Приамурье, охватывая китайцев, корейцев и японцев. Границы его исследования вышли далеко за пределы района строительства Амурской железной дороги. Он обследовал все крупные центры пребывания китайцев, корейцев и японцев на российской территории, а также ознакомился с проблемами китайской колонизации в Маньчжурии. Основные его маршруты в Маньчжурии: по тракту Цицикар-Благовещенск, отклоняясь от основного направления на 50-60 верст в сторону, поднялся по Сунгари от ее устья до Харбина, и по ее притоку Хулань-хе, наконец, обследовал все китайские посты по Аргуни.

Детальное изучение "корейского вопроса" выполнил поручик 1-го Сибирского стрелкового Его Величества полка В. Песоцкий, лично познакомившийся с бытом корейцев в отдельных населенных пунктах и районах Амурской и Приморской областях, а также в Корее. Точное число населенных пунктов, обследованных им, определить сложно, ввиду того, что корейцы предпочитали селиться не кучно, но, разбредаясь по всему краю, что заставляло объезжать целые районы. В. Песоцким был пройден основной маршрут "просачивания" корейцев в Россию, включая корейские пограничные города и районы, пограничные караулы, переправу и основные места их вселения в России.

Результаты исследований В. Граве и В. Песоцкого были опубликованы в двух работах: В. Граве "Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. ТАЭ. Вып. XI" и В.Д. Песоцкий В.Д. "Корейский вопрос в Приамурье. ТАЭ. Приложение к выпуску XI".

Интересно, что отчет В. Граве был доступен широкой аудитории, а материалы В. Песоцкого имели гриф секретности. Причины получения грифа секретности последнего документа в работе не раскрываются. Вероятно, это было связано с "неофициальным" (возможно нелегальным) пересечением корейской границы с целью сбора необходимых сведений, т.к. вопросы, касающиеся корейцев, затрагивали политические интересы уже не столько Кореи, сколько Японии, в силу потери суверенитета первой. Данные же В. Граве, касательно китайцев собирались официально, а по корейскому вопросу основывались на сведениях, полученных на территории России, т.е. не предполагали вторжения в зону японского влияния.

Работы В. Граве и В. Песоцкого представляют наибольший, но не единственный массив информации в рамках ТАЭ о характере "желтого вопроса" в Приамурье. В частности в статистико-экономическом обследо-

вании казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области одним из объектов исследования являлось корейское село Благословенное [8-12], корейский тип хозяйствования тщательно изучался С. Шликевичем [19] при определении колониального значения земледелия в Приамурье, а также А. Митинским при изучении нужд промышленности и торговли [13].

Таким образом, исследование желтого вопроса в АЭ изначально рассматривалось в контексте совокупного воздействия на экономическую, социальную и политическую сферы жизни Приамурья и Дальнего Востока.

Китайцы: причины и последствия их присутствия

В. Граве выделил три основных типа китайцев: 1) оседлые (купцы, торговцы, промышленники, долгосрочные арендаторы, земледельцы); 2) сезонные рабочие; 3) бродячие (хищники на приисках, охотники искатели женьшеня, спиртоносы, хунхузы и т.д.).

Рассмотрим далее причины появления первых двух групп китайцев (оседлых и сезонных). Причины появления бродячих элементов не требовали специального изучения, т.к. объяснялись слабостью границ, не способных сдерживать потоки бродяг и преступников. Последствия присутствия этой группы были негативными и требовали решительных всесторонних противодействующих мер.

Причины появления первого типа (оседлых) на российском Дальнем Востоке связывались с ходом развития колонии. По Айгунскому договору (май, 1858 г.) и Пекинскому трактату (ноябрь, 1860 г.) территории, ставшие позднее Амурской и Приморской областями отошли во владения России. В. Граве указывает, что на тот период в Амурской области проживало около 10,5 тыс. китайских подданных земледельцев (заяские маньчжуры), в Приморской области около 900 чел. оседлых жителей, кроме того в области бродили китайцы (охотники, рыболовы, искатели женьшеня и золота). Общее число бродячих вместе с оседлым населением не превышало 2-3 тыс. чел. Итого в крае насчитывалось примерно 12-13 тыс. чел. китайских подданных [4, с. 5].

В. Граве выделял коренных китайцев (промысловиков) и китайских подданных маньчжур (земледельцев).

К 1910 г. китайцы земледелием почти не занимались. Отсутствие преимуществ в земледелии позволило сформировать в дальнейшем торгово-промышленную и ремесленную специализацию оседлых китайцев.

Китайские предприятия основывались на скрытой системе товариществ, что делало невозможным конкуренцию с ними русских предприятий. Преимущества китайских предприятий достигались за счет следующих факторов: 1) быстрого оборота капитала, когда товары отпускались по ценам ниже закупочных в целях скорейшего приобретения более выгодных товаров; 2) низких постоянных издержек, таких как: расходы на заработную плату китайских работников были в отдельных сегментах экономики ниже в 3–4 и более раз по сравнению с русскими предприятиями; совместное проживание и питание всех членов предприятия, включая хозяев и работников (стоимость питания и проживания на 1 китайца составляла 5 руб. 10 коп и 4 руб. 97 коп., а русского – 19 руб. 37 коп. и 22 руб. 37 коп. соответственно); меньшие затраты на освещение, отопление, страхование и т.д., составлявшие 5-8 % китайского оборотного капитала (у русских эта цифра достигала 15-20%); 3) недобросовестности продавцов; ввоза контрабанды; уклонения от уплаты пошлин и налогов и т.д. [4, с. 30-31]. Рост китайских предприятий и расширение

их деятельности увеличивало спрос на труд, включая нелегальный (без разрешительных документов – паспортов и билетов) и увеличивало теневой сектор экономики, т.к. с получаемых доходов государство не получало налоги.

В. Граве сделал вывод, что меры исключительно запретительного и фискального характера (дополнительные сборы) на практике либо не выполняются, либо являются несущественными. Необходимы меры, постепенно создающие благоприятные условия для развития русских предприятий. При этом они должны были лишь ослаблять, но не уничтожать конкуренцию китайских предприятий с отечественными, то есть уравнивали бы их шансы. Для этого он предложил ряд мер [4, с. 42-45], которые можно сгруппировать следующим образом:

- упорядочить деятельность китайских предприятий в сфере торговли, посредством введения специального органа и соответствующих правил, позволяющих осуществлять более эффективный и оперативный контроль и надзор не только в Приамурье, но и соседнем Забайкалье;

- разъяснить местным податным инспекторам особенности скрытой системы товариществ и основных приемов уклонения от налогов;

- ввести широкое государственное покровительство развитию мелкого кредитования, в том числе в виде ссуд и создания на их основе общественных и потребительских лавок для переселенцев, установление такс приема товаров в казенные склады и др.

Деятельность китайцев первой группы не рассматривалась в качестве "желтой угрозы", но выдвигала ряд вопросов, требующих оперативного разрешения с использованием административного и культурно-просветительского воздействия.

Китайцы второй группы – сезонные рабочие или "кули" – имели прямое отношение к "желтой угрозе", "желтой опасности" или "желтому кризису" [4, с. 52]. Причины их появления связывались с опережением темпов роста спроса на трудовые ресурсы относительно их предложения. Из-за недостатка рабочих рук задерживалось: устройство казарм, правительственных и общественных учреждений, строительство дорог и т.д. Требовались чернорабочие для строительства помещений и прислуга для чиновников (чиновники прибыли прежде, чем появились чернорабочие). Сначала проблема недостатка рабочих рук решалась за счет привлечения нижних чинов, которые отвлекались от военной службы на строительные работы. Далее потребность в рабочих руках постоянно увеличилась.

Эта ситуация не была случайной, а скорее закономерной. Главной колонизационной силой России на Дальнем Востоке и других "новых землях" являлись земледельцы или "земледельческая масса". Именно за земледелием виделось будущее развитие территории. По словам Шликевича "На протяжении всей тысячелетней истории, плотно заселить русскими людьми удалось только те покоренные страны, где оказались благоприятные условия для земледелия и где не встретились с другой высшей культурой. Ни торговля сухопутная и морская, ни промышленность не сделались русскими стихиями, оружием в борьбе за существование" [19, с. 4]. При колонизации Дальнего Востока был выбран традиционный путь. Именно поэтому ремесленники из центральных районов России в край не привлекались, а изыскивались из числа приехавших преимущественно крестьян и солдат.

Первой экономической причиной распространения китайцев – сезонных работников в Приамурье стал дефицит труда, возникший при осуществлении правительственной колонизационной политики и медленных темпах переселения¹, вызвавший позднее волну спроса у част-

¹ Русское заселение шло медленными темпами. К 1869 г. численность казачьего со-

ных лиц и предприятий.

Второй причиной их появления стала не только потребность в большом количестве труда, но и необходимость в привлечении более дешевой рабочей силы. Этому способствовал кризис в золотопромышленности, начавшийся в 1880-х гг. Старые прииски понемногу вырабатывались, на открытие новых деньги ассигновались слабо, поэтому выходом стал дешевый китайский труд.

Также повышению концентрации китайцев в промышленности содействовала административная мера, принятая местными властями в виде запрета использования на этих работах корейцев [17; 18]. В данном сегменте рынка труда исчезла конкуренция со стороны другой иностранной дешевой рабочей силы (корейцев), а для русских занимаемые китайцами места не являлись подходящими (средняя заработная плата китайца составляла 5-7 руб. в мес., а русского – 35-75 руб.) [4, с. 30-33, 58].

В результате китайские работники стали диктовать свои условия и устраивать организованные забастовки, выступая единственным продавцом своего труда и единственным покупателем предлагаемых рабочих мест.

Третья причина связывалась с внешними для России обстоятельствами – ситуацией в Китае, заставлявшей китайский труд идти в Россию на временные заработки и не направляться в Маньчжурию, где также существовал дефицит труда, не позволявший разрабатывать аналогичные золотые прииски¹. В Шандунской провинции, откуда преимущественно поступал труд, китаец получал в пересчете на русские деньги около 15-25 коп. в день, что в год составляло порядка 42 руб., из которых надлежало выплатить налоги и сборы. На российской территории их средний заработок в год составлял 150-300 руб. [4, с. 8]. Такая разница в доходах, а также высокая концентрация труда в Китае "выталкивала" китайцев на российские рынки труда, которые увеличивались по размеру и видам каждый год, в том числе в нерегистрируемой (неформальной) его части.

Единственным средством борьбы с китайской миграцией являлось ужесточение правил прибытия и пребывания в Приамурском крае китайского населения, включая усложнение процедуры получения разрешения на въезд, повышение сборов и штрафов, также введение запрета на приобретение земли в Амурской и Приморской областях и расселение в пограничных с Китаем местностях. Однако, по словам Граве, эти правила фактически не применялись. Причиной чему являлось наличие разрешения на проживание без вида на жительство в течение месяца, за который китайцы успевали разбежаться по территории; во-вторых, слабый контроль со стороны местных властей; в-третьих, "несочувствие к такой мере русского городского и сельского торгового и промышленного населения, нуждающегося в пришлых из-за границы рабочих" [4, с. 26].

Положительные последствия притока китайцев и их присутствия заключались в возможности развития горной промышленности, строительства, торговли и других сфер жизнедеятельности. Во многом за счет функционирования китайских торговых компаний Приамурье обеспечивалось предметами первой необходимости и хлебом, наблюдалось

словия переселенного из Забайкальской области составляло около 18,5 тыс. душ обоего пола, крестьян, привезенных из России – к 1875 г. составило не более 3,5 тыс. чел. [4, с. 6].

¹ Например, в Цзянь-дао были открыты залежи медных и железных руд, которые за отсутствием предпринимателей и свободных рук к 1910 г. так и остались не разработанными [15, с. 24].

снижение цен на них.

Отрицательные последствия, связанные с массовым притоком китайцев, заключаются в следующем: повышение монополистических позиций китайцев на рынке труда в сегменте дешевого труда; отсутствие возможностей развития русских торговых предприятий за счет использования китайцами иной культуры и формы ведения хозяйства; потери государства от неуплаты сборов за паспорт и разрешения; недополучение налогов от деятельности китайских предприятий; уход капитала в Китай за счет сезонных рабочих; развитие браконьерства и истребление природных ресурсов и т.д. Также в этот список можно добавить антисанитарию, пристрастие китайцев к азартным играм и курению опия, рост преступности и других социально не приемлемых явлений.

Причины массового притока китайцев в Приамурье носили преимущественно экономический характер, а последствия затрагивали не только экономику, социальные процессы, но и политические интересы России на восточных рубежах, то есть представляли угрозу в связи с появлением зависимости экономики региона от желтого труда и высокой степени организации мигрантов.

Если в отношении "обществ взаимного вспомоществования" позиция всех исследователей заключалась в запрете коммерческой деятельности и выполнения административных и судебных функций, то применительно к сезонным работникам мнения расходились [2, с. 165-194; 16, с. 156-162]. Так, Унтербергер ориентировался на запретительные меры [17, с. 78-79], распространявшиеся на всех иностранных подданных, а В. Граве сопоставив полученные сведения, пришел к необходимости разделять категории мигрантов и действовать более осмотрительно. Он отмечал, что для китайцев (сезонных работников), нанимаемых на частные предприятия, никакие ограничительные меры не будут иметь действия в силу возможности обойти закон [4, с. 61]. Поэтому необходимо, как и в случае с оседлыми китайцами, усилить контроль, а также использовать механизмы воздействия экономического характера. В этой связи он предложил снизить заработную плату русским работникам для повышения их конкурентоспособности с китайцами.

Таким образом, в ходе АЭ были выявлены возможности регулирования пребывания основной массы китайцев за счет усиления контроля над их деятельностью в России и создания необходимых условий для повышения конкурентоспособности русского труда и русских предприятий при снижении степени зависимости темпов развития территории от "желтого труда". В этих мерах виделось будущее развитие русской колонизации на Дальнем Востоке.

Корейцы: причины и последствия их присутствия

Корейский вопрос имел иные причины и последствия, чем китайский. Их рассмотрение требует использования другой классификации и логики изложения, чем в случае с китайскими подданными.

В отношении корейцев вопрос об их национальной принадлежности не ставился, т.к. история их появления в Приамурье была хорошо известна [4; 14; 15].

Песоцкий называл первый период миграции корейцев в Приамурье [15, с. 130] с конца 1860 – до 1904 – 1905 гг. "естественным просачиванием" через границу, наблюдаемым почти всегда при соприкосновении территорий более населенных с менее населенными. Причины их появления Н. Пржевальский объяснял густой населенностью и происходившей от этого нищетой; крайним деспотизмом корейского правительства; близостью русских земель с плодородною нетронутую почвой.

Эти причины составляют наиболее распространенный взгляд.

Второй этап, начавшийся после 1904 – 1905 гг., по мнению Песочного имел совершенно иные причины. Этот этап он обозначил как "действительная эмиграция" или массовое оставление родины с целью порвать с ней связь и найти другое отечество. Причины, определившие массовый приток корейцев в Приамурье в этот период связывались как с ситуацией в Корее, так и благоприятными условиями в соседних государствах: России и Китае. Воспользуемся материалами исследования Песочного к описанию ситуации того периода.

Главная причина, связанная с ситуацией в Корее, носила политический характер, а именно агрессивная колонизационная политика Японии посредством Восточного колонизационного общества – "The Oriental Development Company".

В Корее осуществлялся постепенный захват земель, преимущественно плодородных в пользу японских колонистов на нужды военного, железнодорожного и морского ведомств, колонизационного общества и других целей. После аннексии японское правительство призвало не только все бывшие государственные земли своей собственностью, но и вообще все свободные земли отнесла к категории государственных.

Вследствие сложившейся политической обстановки, в экономике страны корейцы не могли найти применения. Японцы при производстве технических работ пользовались преимущественно трудом своих соотечественников, арестантов и пленных инсургентов. Рабочих-корейцев нанимали редко и к тому же часто платили им "по усмотрению", а не "по уговору". Японским правительством были введены новые повинности, в соответствии с которыми корейское население должно было безвозмездно содержать в исправности проезжие дороги и проводить новые. Также был закрыт доступ корейцев к прибыльным промыслам: в лесной промышленности, эксплуатации горных богатств, рыболовстве и каботаже.

Таким образом, помимо существовавших на первом этапе причин, добавился политический аспект, когда население "выдавливалось" сначала на север страны, а затем и за ее пределы, где к тому периоду сложились благоприятные условия – набирающие темпы колонизационные процессы в Маньчжурии и в Приамурье.

Массовый приток корейцев в Россию объясняли несколько причин:

Во-первых, наличие возможности свободного перехода сухопутной и водной границы для нелегалов. Из-за протяженности береговой линии, проследить поступление последних было особенно трудно. В этой связи численность корейцев было определить сложнее, чем китайцев. Из числа прибывших временных работников на легальной основе трудилось не более 2%. Пребывание остальных было нелегальным и приносило ущерб казне. По оценкам Граве в 1906-1907 гг. численность корейцев в Приамурском крае достигала 50 тыс. (вместо 17-29 тыс., которые указывались в статистических данных) [4, с. 141].

Во-вторых, чистый заработок корейца в год колебался от 300 до 500 руб. иногда до нескольких тысяч, т.к. за некоторые виды работ получали ту же сумму, что и русские. До введения запрета использования корейского труда на приисках, они получали от 2 до 2,5 руб. в день, работая в артелях по 10-15 чел. [4, с. 149]. Учитывая отсутствие работы и доходов в Корее, такой заработок являлся хорошим стимулом к конкуренции на рынке труда России. Встречались русско-корейские артели, чего не было между русскими и китайцами. Производительность корейцев была на 25-30 % [4, с. 150] ниже, чем у русских, но настолько же выше, чем у китайцев. В пьянстве, опиекурении, азартных играх, воровстве и убийстве замечались редко, что также отличало их от китайцев, но обладали на-

ходчивостью и изворотливостью в утайке и краже золота.

В-третьих, наличие большого количества свободной земли, соответствующих технологий, спроса, как на продукцию сельского хозяйства, так и на свободные руки, в том числе в качестве "половинщиков" – арендаторов казенных и переселенческих земельных участков (преимущественно в Приморской области). Для земледельцев-корейцев, казалось, не было природных ограничений на земледелие. Везде получался хороший урожай. Так, Граве описывает, что в глубокой тайге, окруженной марью, болотами, где почва трудно поддавалась русской культуре, употребляемые корейцами способы обработки земли давали, наоборот, прекрасные результаты. Те продукты, которые ввозились ранее издалека, легко доставались благодаря корейцам на месте. Более того, "оседание корейцев происходило на тех землях, где вряд ли русский переселенец... был в состоянии основаться" [4, с. 153]. Из-за распространения дешевого желтого труда русские переселенцы теряли интерес к собственной тяжелой доле земледельцев, получая основной доход с аренды земель, либо пробова свои силы в других занятиях – не связанных с землей, что противоречило целям переселенческой политики и возвращало крестьянство.

Положительные последствия массового притока корейцев связаны с решением продовольственной проблемы за счет обеспечения хлебом, овсом и другими культурами. Это в свою очередь снизило зависимость края от Маньчжурского хлеба и снизило цену на него. Также корейские переселенцы принесли наиболее подходящую для дальневосточных земель технологию земледелия, обеспечили край дешевой рабочей силой конкурировавшей с китайским трудом, до введения ограничительных и запретительных санкций.

Отрицательные последствия связывались с потерями казны от нелегального присутствия корейцев ввиду неуплаты ими обязательных сборов; фактической монополизацией работ в сельском хозяйстве южных приграничных районов Дальнего Востока; изменением национального состава переселенцев в сторону усиления присутствия "желтых"; стимулированием разлагающих русский народ явлений: тунеядство, преступность, пьянство и других; формированием политической опасности на приграничном участке. Последнее объяснение "желтой угрозы" исходило из признания корейцев в качестве подданных Японии, что предполагало возможность осуществления ими шпионской деятельности против России.

К моменту проведения АЭ преобладало представление о нависающей "желтой опасности". Большую роль в доведении этих опасений до государственного уровня и принятия мер, сыграл Павел Фридрихович Унтербергер – военный губернатор Приморской области (1888 – 1897 гг.), приамурский генерал-губернатор (1905 – 1910 гг.). Он считал, что "важнее освободиться от корейцев, китайцы – уйдут сами" [4, с. 136].

В противовес П. Унтербергеру, мнения сотрудников АЭ, занимавшихся "желтым вопросом", были более взвешенными. Шликевич считал, что корейцы могут рассматриваться в качестве колонизационного элемента, который может двигаться от окраин, от самых отдаленных земель до центра, тогда как русское переселение сможет идти в более благоприятных условиях – от центра к окраинам. Это двустороннее движение позволило бы русским прибывать "не в пустыню, но на воссоединение с людьми, с обжитыми местностями, с запасами хлеба" [19, с. 129-130]. То есть было предложено использовать "правильный" опыт колонизации Маньчжурии, где корейцы использовались китайским правительством в качестве "первопроходцев" в самых труднодоступных и неблагоприятных районах для местных жителей.

Позиция С. Шликевича, продолжала традиции А. Кауфмана [6,

с. 347-348; 1, с. 122-188], который считал более пригодным для местных условий использование корейского и китайского типа хозяйствования. Корейские хозяйства, привыкшие к условиям малоземелья, достигали хороших результатов, что доказывало возможность развития колониального движения даже в условиях сокращения объемов "удобной" земли. Более того, корейское присутствие обеспечивало создание двухсекторальной сельскохозяйственной экономики (русской и корейской), поддерживающейся на рыночных конкурентных условиях, что обеспечивало рынки товарами и сдерживало неконтролируемый рост цен.

До АЭ распространенным являлось мнение о невозможности ассимиляции корейцев с русскими. Однако анализ С. Шликевичем и специалистами статистико-экономического обследования казачьих и крестьянских хозяйств показали не культурную, но хозяйственную ассимиляцию корейцев. Доказательством тому являлось быстрое внедрение в производство культур (например, овса), ранее не известных и не использовавшихся корейцами. В то же время происходило и обратное движение со стороны русских хозяйств, в использовании также нетипичных продуктов (риса и сои) и технологии земледелия, распространенных в азиатских странах. Таким образом, корейский и русский типы хозяйствования взаимно перекликались и взаимно обогащались.

В. Песоцкий сформулировал рекомендации, которые соответствовали политическим, экономическим и культурно-национальным интересам края [15, с. 124-130].

Политические интересы:

1. Государственная граница должна быть заселена русскими: корейцев у границы впредь не селить, поселившихся ранее переместить вглубь края;

2. Права на русское подданство осевших у нас корейцев проверить; определить точно личность каждого и его права;

3. Права корейцев-иностранцев выяснить; их международно-правовое положение установить.

Экономические интересы:

1. Посьетский участок от корейцев очистить; живущих ныне переместить на льготных условиях в глубь края; дальнейшее утверждение их в участке (*Посьетском – примечание Ли Е.*) не допускать.

2. Развитие корейской аренды затруднить; участие в промышленности и подрядах регулировать.

3. Замене корейцами китайцев содействовать.

Культурно-национальные интересы:

1. Корейцев всех категорий использовать для упрочения, развития и процветания русской государственной жизни и для создания русской государственной мощи на Востоке.

2. Из корейцев не создавать элемента, могущего ввести в соблазн местную администрацию и русское население.

3. Не допускать возможности зарождения недоразумений между русским и корейским населением края.

4. Регулировать неуклонно ассимиляцию корейцев с русскими.

Таким образом, предложенные В. Песоцким меры, как и в случае В. Граве, носили регулирующий характер, за исключением вопросов

и территорий, имеющих политическое значение, где запретительные меры были стратегически необходимы. Рекомендации С. Шликевича и В. Песоцкого по направлению корейской земледельческой массы вглубь территории, а не запрещению их деятельности, способствовали бы в случае их реализации не только легализации существовавшей в тот период неконтролируемой активности и обмену земледельческими технологиями, но также снижению со стороны русских переселенцев склонности к получению более "легких" заработков "чужим трудом".

В. Песоцкий и В. Граве представили научную позицию относительно состояния и перспектив решения "желтого вопроса", которая должна была стать основой будущей государственной политики в Приамурье и на Дальнем Востоке в целом.

АЭ стала первым комплексным исследованием "желтого вопроса", предполагавшая непосредственную работу специально командированных специалистов, хорошо знакомых с местными условиями и культурой жизнедеятельности китайцев, корейцев и японцев на Дальнем Востоке, а также параллельное освещение проблемы в контексте хозяйствования русских переселенцев, практики земледелия и нужд местной торговли и промышленности. Этот подход обеспечивал изменения масштаба проблемы с узкого рассмотрения на микроэкономическом уровне в сфере рынка труда, до макроэкономического видения особенностей и перспектив социально-экономического и политического развития не только обслежуемого Приамурья, но и всего Дальнего Востока России.

Исследования В.Граве и В. Песоцкого являлись примерами сложившейся к началу XX века отечественной школы прикладных исследований [5, с. 66-86; 7, с. 125-133]. Масштаб и тщательность изучения материалов позволили им сформировать научно обоснованные рекомендации по применению экономических и административных механизмов к регулируемым процессам – "желтому вопросу" – и запретительных мер к неконтролируемым и опасным явлениям – "желтой угрозе". При этом выделялись экономические и географические сегменты, где присутствие временного желтого труда и постоянного желтого колонизационного элемента было целесообразно, либо представляло ущерб интересам края.

В. Граве и В. Песоцкий понимали, что желтый элемент стал неотъемлемой частью жизнедеятельности края. Любое необдуманное решение могло привести к ухудшению ситуации и увеличению "желтой опасности". Так, ограничительные меры в отношении казенных работ приводили к перетоку "желтого труда" в негосударственную нерегулируемую сферу, в связи с "несочувствием" со стороны частных лиц. Поэтому, учитывая многогранность существующих взаимосвязей, воздействие должно было быть постепенным, комплексным и масштабным.

В рамках АЭ было впервые проведено разделение "желтых" не только по их национальной принадлежности (корейцы, китайцы и японцы), но и типу экономической активности, что позволило делать выводы не в целом по их совокупности, а дифференцированно по категориям. Китайцы, и корейцы стали рассматриваться как необходимые условия развития конкуренции и процветания территории. "Правильная" постановка вопроса требовала усиления административного контроля за выполнением существующих правил пребывания "желтых". При этом важнейшим условием являлось не подавление конкурентных позиций иммигрантов, но создание благоприятных условий, способствующих развитию русской промышленности, торговли и сельского хозяйства.

Опыт развития Дальнего Востока и решения "желтого вопроса" на примере строительства Амурской железной дороги показал возможность и стратегическую важность государственного решения краткосрочных

задач. Строительство дороги было бы экономически более выгодным при использовании исключительно дешевого китайского и корейского труда. Однако в целях развития территории и не допущения оттока казенных средств за границу, было принято решение об использовании более дорогостоящего русского труда, привозимого из трудоизбыточных районов России. Эта мера позволяла не только решать краткосрочные задачи, связанные со строительством отдельных объектов, но и стратегически формировала класс переселенцев и работников для нужд промышленности и торговли. Таким образом, на государственном уровне стратегические интересы ставились выше выгоды в краткосрочном периоде.

Литература

1. Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Выпуск 1. Колонизационные процессы в Приамурском крае на рубеже XIX-XX веков // отв. Ред. Минакир; РАН, ИЭИ. Хабаровск: РИОТИП. 2008. 208 с.
2. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Хабаровск. 1914. 203 с.
3. Вагин В. Корейцы на Амуре. Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных странах. Иркутск. 1876. С. 1-29.
4. Граве В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. ТАЭ. Выпуск XI. С. Петербург. Типография В.Ф. Киршбаума. 1912. 479 с.
5. Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А., Ли Е.Л. План обследования / Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Выпуск 2. Исследование сельской экономики Приамурского края между русско-японской и Первой мировой // отв. Ред. Минакир; РАН, ИЭИ. Хабаровск: РИОТИП. 2009. 288 с.
6. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. Типография т-ва "Общественная польза", С.-Петербург. 1905 г. 349 с.
7. Ли Е.Л., Демьяненко А.Н. Амурская экспедиция 1910 г.: опыт организации статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйств Амурской области // Пространственная экономика, Хабаровск: 2010. № 2. С. 125-133.
8. Материалы статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области. ТАЭ. Вып. II. Т. 1, ч. 1-я. Поселенные таблицы. СПб. 1911.
9. Материалы статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области. ТАЭ. Вып. II. Т. 1, ч. 2-я. Комбинационные и групповые таблицы. Бюджеты. СПб.: 1912.
10. Материалы статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области. ТАЭ. Вып. II. Т. 2, ч. 1-я. СПб.: 1912.
11. Материалы статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области. ТАЭ. Вып. II. Т. 2, ч. 2-я. Текстовая разработка. СПб.: 1913.
12. Материалы статистико-экономического обследования части Восточного Забайкалья, тяготеющего к Амурской железной дороге. ТАЭ. Вып. II. Т. IV. СПб.: 1913.
13. Митинский А.Н. Материалы о положении и нуждах торговли и промышленности на Дальнем Востоке. СПб, 1911. 284 с.
14. Насекин Н. Корейцы Приамурского края. (Место издания книги не указано). 1904 г. 61 с.
15. Песоцкий В.Д. Корейский вопрос в Приамурье. ТАЭ. Приложение к

выпуску XI. Секретно. Хабаровск. Типография Канцелярии Приамурского Генерал-Губернатора. 1913. 188 с.

16. Сорокина Т.Н. Отношение русской администрации к китайским обществам в Приморской области в начале XX века. // Россия и Китай на Дальневосточных рубежах. Материалы третьей международной научной конференции "Россия и Китай на Дальневосточных рубежах", г. Благовещенск. 2003 г. С. 156-162.

17. Унтербергер П.Ф. Приамурский край. 1906-1910. Спб. 1912. 428 с.

18. Унтербергер П.Ф. Приморская область 1856-1898 гг.: Очерк. Спб. 1900. 324 с.

19. Шликевич С.П. Колонизационное значение земледелия в Приамурье. ТАЭ. Вып.5. СПб. 1911. 142 с.